

DOI 10.35775/PSI.2025.126.9.002

УДК 94/93

А.А. ГАЗИЕВА

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Россия, Республика
Дагестан, г. Махачкала
E-mail: gazieva.abidat@mail.ru

И.В. СУХАРЕВА

доктор исторических наук, профессор кафедры
международных отношений, истории и востоковедения
Уфимского государственного нефтяного технического университета,
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: ira.sarigel@yandex.ru

КАЗАЧКА НА КАВКАЗСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ: МЕЖДУ СЛУЖБОЙ, БЫТОМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ

В статье анализируется социально-экономическая и культурная роль женщин-казачек в условиях кавказского фронта XVIII-XIX веков на основе зарубежной историографии, прежде всего – работы Т. Баррета «On the Edge of the Empire: Terek Cossacks and the Border of the North Caucasus, 1700-1860». Показано, как фигура казачки становится ключевым элементом в формировании социокультурного пространства пограничья, и как эта роль интерпретируется в западной научной традиции. Особое внимание уделено вопросам брака, труда, хозяйства и государственной политики на границе империи, а также отражению этих сюжетов в исторической памяти.

Ключевые слова: гендер, казаки, женщина, историография, государственная аккумуляция, фронт.

Историко-географическое пространство кавказского пограничья, как зона сформированная фронтирмэнами – казаками, являлась пространством формирования и развития мужской истории. Кавказский фронт – это не только пространство военного противостояния и мужской доблести, но и территория формирования уникальной женской повседневности. В условиях постоянных боевых действий, необходимости кордонной службы и государственной колонизационной политики казачка становится ключевой фигурой в жизни казачьих общин. Она выполняет функции хозяйки, труженицы, матери, вдовы, ремесленницы и даже культурного медиатора. Статья обращается к взгляду зарубежного исследователя Томаса Баррета, который в своем труде предлагает многоплановое осмысление женского опыта на границе Российской империи.

Впервые годы формирования и обоснования казаков в регионе, жен выбирали из числа местных народов. В последующий период, благодаря государственному регулированию, в регионе появились переселенки, но практика вступления в брак с представительницами местных народов активно продолжалась.

Реалии боевых действий региона, необходимости несения кордонной службы и оторванности от ведения домашнего хозяйства, стали факторами развития экономической и социальной независимости женщины-казачки, при сохранении патриархального устоя общественных отношений у казаков.

В отечественной историографии вопрос места и роли казачки в формировании социокультурного пространства казачьей общины достаточно актуален, различные его аспекты разрабатывались авторами – И.Д. Попко [8], А.А. Цыбульниковой [15], О.С. Мутиевой [5; 6. С. 304-310; 7. С. 93], А.А. Газиевой [2. С. 121-135].

В зарубежной историографии, многочисленные аспекты жизни и быта казаков Северного Кавказа раскрываются в исследовании Т. Баррета [16], которое взято нами как базовое исследование казачества в зарубежной историографии, так как автор специализируется на исследовании фронтальных зон, американской русистики. Данная работа выбрана нами исходя из соображений целостности представления темы места и роли казачек в истории региона, а также и в связи с тем, что автор пытается показать многогранность процесса военно-политического покорения и освоения региона империей. Особый интерес для нас представляет раздел посвященный социально-экономической роли казачки в жизни казацкой общины.

Основополагающим методом исследования является нарративный метод, который позволяет нам представить полученные данные в целостном описании темы с опорой на причинно-следственную связь событий. Использование синхронистического метода позволяет рассматривать вопрос представления места и роли женщины-казачки в зарубежной историографии в историческом контексте.

Военизированный быт казаков в регионе расширял круг статусных ролей женщины-казачки в экономических вопросах и возвышал ее социальный статус, что получило распространение и у казаков других групп в Российской империи, в частности в Сибири, на Дону [11. С. 222-228], в Алтае [4. С. 387], на Кубани [1. С. 21].

В связи с тем, что фронтальные зоны, зачастую являлись мужским пространством, регион требовал пополнения женского населения кордонов и станиц. Т. Баррет говорит о нескольких практиках пополнения женского контингента в регионе – переселение женщин-заключенных из центральных регионов, Сибири, пленение горянок, рейды на невольничьи суда и рынки [16. Р. 131].

Женщина-казачка была фундаментом казацкого социально-экономического пространства. На кавказском пограничье женщина играла серьезную роль

в становлении социокультурного пространства, транслируя свой культурный код.

Кавказская администрация, понимая причинно-следственную связь между укоренением казаков и их кордонной службой, создавала условия для создания семей.

Женатый казак имел потенциал в виде супруги для того, чтобы обеспечить и подготовиться к военной службе. В глазах военной администрации, казак семейный укоренялся, не имел мыслей оставить службу, дезертировать и перейти на сторону горцев.

Местные власти, на государственном уровне, старались оказывать всяческие меры социальной и экономической поддержки семейным казакам, отдавая им приоритет перед холостыми [16. Р. 131].

Власти предприняли меры по поощрению браков. Фактически один из первых казачьих полков, основанный в начале XVIII века, назывался Терским (Терским-Семейным) полком, поскольку получал продовольствие для всей семьи, что было обусловлено практической реализацией расширения и укрепления казачества в регионе.

Казачья семья получала материальную помощь от государства сразу после того, как обзаводилась семьей [16. Р. 132]. За вступление в брак с пленниками, государство выплачивало 45 рублей серебром [16. Р. 132], что должно было послужить стимулом для населения, а кроме того, расширить казачьи общины.

В работе Т. Баррета говорится о ряде уступок терскому казачеству, в том числе и женщинам, со стороны государства, для расширения числа казаков и создания семей. В частности, на кавказском фронте, указ от 1849 года [16. Р. 132], предоставлял возможность казачкам выходить замуж за представителей нижних чинов регулярной армии и военных колонистов. Вопросы семьи и брака выходили на уровень вопросов государственной значимости, как стратегически важных аспектов военного покорения и социокультурного освоения.

Для того чтобы казак успел обзавестись семьей, детьми и хозяйством, существовала практика заключения брака юноши с женщиной значительно старше его. Томас Баррет указывает, что лишь 9% браков у казаков основывались на возрастном старшинстве супруга, 34% имели возрастное равенство, 31% союзов основывался на старшинстве казачки и 26% семей возглавлялось вдовами [16. Р. 133].

Исследователь О.В. Щупленков, говоря о подобной особенности казачества, утверждает, что подобный выбор казаков был обусловлен тем, что она (супруга) не будет обращать внимание на других мужчин, «имея опыт общения с противоположным полом, она может трезво оценивать значимость отношений с мужем» [13. С. 31-32].

Т. Баррет, основную причину подобных браков, сводил к экономической зрелости женщины в вопросах ведения хозяйства, необходимости содержать хозяйство самостоятельно, в периоды, когда казак на службе. Также он отмечает,

что порой, браки в которых женщина была значительно старше супруга, превращались в курьезы, когда казак был не молод, а мал, «запускал воздушных змеев и играл в бабочки» [16. Р. 133]. Браки, в которых жены были значительно старше супругов, практиковались и среди казаков Сибири [3].

Подобные браки были незаконными и не регистрировались государством или признавались зарегистрированными ложно, чему местные власти старались противостоять.

Кавказская администрация, для решения данного вопроса, в 1820 году издала постановление, о том, что мужья и невесты должны быть «зрелыми» при вступлении в брак, то есть не моложе восемнадцати лет для мужей и четырнадцати для невест [16. Р. 133].

На особом счету находились вдовы. Вдовы, в казачьей среде, становились главой семьи. Они активно участвовали в социальной жизни казацкого общества и развивали хозяйство [10. С. 279–292]. По данным Т. Баррета около 26% семей казаков в регионе возглавляли вдовы. Вдовы имели высокий социальный статус в обществе.

Даже если в доме были взрослые и женатые сыновья, овдовевшая казачка становилась главой хозяйства. Исследователь О.С. Мутиева говорит о том, что право отделиться от семьи после смерти мужа, с позволения свекра [7. С. 93]. Так, по данным Т. Баррета, в станице Старогладовской, в 1838–1839 годах одна 120-летняя вдова числилась еще главой своего хозяйства, несмотря на то, что с ней жили женатые сыновья пятидесяти одного и тридцати одного года. Акулина Недугова, шестидесяти семи лет, управляла своим Курдюковским двором и пятью сыновьями в возрасте от сорока семи до двадцати пяти лет, четверо из которых были женаты [16. Р. 136].

Ключевая роль женщины была отмечена администрацией региона, в связи с чем, государство учитывало данный факт в проведении государственной аккультурации. Одним из направлений государственной аккультурации были вопросы религиозного строительства в регионе и сопряженные с ними вопросы сохранения устоев семьи и брака и контексте православия. Данное положение подкрепляется и выступлениями перед новобранцами региона протоиерея Н. Котляревского, который отмечал, что нерадивая жена горе для мужчины, так как, «честно живя с мужем и жена служит службу Государю – чрез своего мужа; добрый пример обществу» [9. С. 29]. В речах отмечалось, что благонравие и просвещение женщины принесут семейное счастье [9. С. 43] и возможность вырастить верующих детей [9. С. 116], что было ключевым вопросом в распространении и сохранении православия в регионе.

Женщина-казачка на фронтире строила собственное социокультурное пространство, наполнение которого зависело от ряда обстоятельств – этнической и религиозной принадлежности женщины.

Широкий круг вопросов экономического благополучия семьи находился в компетенциях казачки. Стоит отметить такую особенность, как взаимосвязь этнической принадлежности казачки с шириной круга хозяйственных вопросов,

которыми она занималась. Данный факт отмечается исследователем, Т. Барретом, который говорит о том, что казачки горского происхождения практически не имели ограничения в труде, круг их обязанностей был очень широк, а женщины-казачки русского и украинского происхождения принимали участие в хозяйственной жизни семьи пропорционально с супругом и имели за собой строго закрепленные обязанности [16. С. 137]. Если же, не казачки, а казаки были горского происхождения, они также передавали ведение хозяйства женщине, принимая участие в его ведении формально, закрепляя патриархальную модель отношений выполнением определенного рода деятельности.

В период начала боевых действий Кавказской войны в среде женщин региона, как казачек, так и горянок произошло расширение и увеличение статусных ролей, так как мужчины большую часть времени проводили, участвуя в боевых действиях. Круг вопросов, в которых женщина стала компетентна или вообще стала, допущена значительно расширился. Говоря о женщине-казачке, стоит отметить тот факт, что женщина стала основой благополучия казачьей семьи.

Геополитические условия, в которых казачество увеличивалось и расширялось, в кавказском регионе, оформило приоритет женщины в ведении домашнего хозяйства. Жена – главное богатство казака, откуда он получает и мундир, и оружие, и лошадь... Жена в хозяйстве и доме – архимедов рычаг для гула, и он всюду чувствует и видит ее власть. И горе тому казаку, у которого нет такой жены! Тогда и в доме, и в поле – везде ему плохо» [16. С. 135]. Из приведенного отрывка видна функциональность социальных ролей женщины в казачьем быту.

Т. Баррет говорит о значительной роли казачки в ремесленном производстве. Женщины «пряли лен, пеньку, шерсть, ткали сукно и лен, валяли и вышивали сукно, шили обувь, бурки» [16. С. 136].

Исследователь отмечает, что казачки горского происхождения занимались ремеслом, как для нужд семьи, так и для рынка. Стоит отметить, что к концу XIX века, на женском труде базировались 50% промышленных предприятий регион [16. С. 136]. Исследователь О.А. Хасбулатова отмечает что «фабриканты и заводчики охотно шли на трудоустройство менее требовательных, чем мужчины, и менее социально активных работниц» [12. С. 97].

Так, к примеру, практически все женщины казачьей станицы Шелкозаводской работали на местной фабрике по производству шелка. Женщины были задействованы и в наемном труде в отрасли сельского хозяйства – «жены и дочери гребенских казаков ходили в Моздокский и Терский полки и к осетинам Моздока на работу во время жатвы на заготовку зерна» [16. Р. 136].

Некоторые женщины, жившие на окраине станицы Новогладовской, «во время сбора винограда нанимались и продавали рыболовные сети и шали» [16. Р. 136].

Применение женского труда было масштабным, как на промышленном производстве, так и в подворье. Женщины принимали участие в прорытие

каналов, возведении плотин, будучи вдовами (численность которых в годы войны доходила до 25%) делали вино [16. С. 137].

Одним из проявлений ключевой роли женщины-казачки в социально-экономической роли общины является скорейшее желание вернуть супругу в дом, в случае ее побега, пленения. О роли женщины семье свидетельствует фольклор и архивные документы, которые повествуют о попытках скорого возвращения женщины в семью. Как говорили в станице Червленной: «Когда муж уйдет, дела еще немного, когда жена уйдет, с ней уйдет весь дом». Отсутствие женщины в быту, сказывалось на хозяйстве. Так, в рапорте, на имя Кизлярского коменданта от есаула Донского казачьего полка № 22 Кавалева, казак « Казак Владикавказского полка № 3386 станицы Ардонской, Захарий Середа, требовал возвращения его супруги Евдокии Ивановны Середины, которая как указывается в архивных документах «в декабре месяце прошлого 1849 года отлучилась от дому и ныне, как он по словесным сведениям послышан, что она проживает в городе Кизляре у неизвестного ему армянина» [14]. «Потерпевший» супруг требовал «взыскать с виновных на удовлетворение казака Середы за передержательство жены его без всякого письменного вида в Кизляре, так как он чрез такое передержательство понес, как в полевых работах, равно и в домохозяйстве большие убытки [14].

Мужчины, в подобных случаях оказывались в затруднительном положении не только из-за того, что его хозяйство теряло активного работника, который занимался вопросами семьи и быта, а также и потому, что «им не разрешалось снова жениться в течение десяти лет» [16. С. 138-139]. В таких случаях казаки и полковые чины обращались в церковь с ходатайством о расторжении их браков, ссылаясь на развал отечественного хозяйства, но, несмотря на это они около десятилетия находились в ожиданиях в результате бюрократических проволочек.

У терских казаков не была распространена практика притеснения снохи со стороны родителей супруга. Данный факт подтверждает исследователь Т. Баррет, подчеркивая, что «здесь невестки не вешаются и не бегают» подальше от притеснений отца и матери мужа [16. С. 138-139]. Историк О.С. Мутиева, говорит о том, что снохачество все же имело место у терских казаков [7. С. 94], но в меньшей степени, чем у донских казаков [7. С. 93].

Мужчина, в казацких общинах региона, зачастую сохраняя главенство в семье, обусловленное патриархальными традициями общества, являлись в большей степени отражателем репутации семьи. И даже в данном вопросе поддержания его авторитета, женщина-казачка играла значительную роль. Женщина-казачка была задействована в решении вопросов обмундирования и наличия коня у своего супруга. В работе Т. Баррета говорится, что казачка «всегда готова внести свой вклад в тяжелую работу, лишь бы увидеть своего мужа-джигита на доблестном коне, покрытом оружием, окованном серебром с чернью» [16. Р. 139].

Для семьи, роль мужчины заключалась в совершении подвигов и расширении значения рода и авторитета в среде казаков по средствам проявления героизма. Семья часто хоронила тело убитого казака в виноградниках, где во время перерывов в работе – жены, сестры и другие родственницы причитали о своих воинах, пропагандируя их заслуги, рассказывая даже о самых незначительных делах [16. Р. 148], что является подтверждением вышеизложенного.

Исследование Томаса Баррета истории казачества на Северном Кавказе, имея значительные разделы о жизни и быте терских казачек представляет интерес. Автор подробно разбирает роль и место казачек в общественной жизни казачества региона, различными примерами иллюстрируя и подчеркивая причинно-следственную связь этого влияния с ростом влияния женщины-казачки в решении экономических вопросов семьи. Также на материале, который приводит автор, еще раз подтверждается тот факт, что казачка была транслятором и медиатором культурных ценностей многогранного казацкого общества. Стоит отметить, что в книге приведен интересный материал о роли казачек в развитии производительного сектора региона, промышленного производства и причин обусловивших такую тенденцию. Исследование Томаса Баррета предоставляет многоаспектный взгляд на жизнь женщин-казачек, подчеркивая их место и роль в контексте истории региона.

Фигура казачки на кавказском фронтире предстает не просто как элемент бытового уклада, но как полноправный участник процесса освоения и удержания пограничного пространства Российской империи. Женщина-казачка, действующая между домом и линией фронта, становится связующим звеном между государственной политикой, традиционной культурой и практиками выживания в условиях перманентной нестабильности.

Труд Томаса Баррета, позволяет взглянуть на этот опыт со стороны, акцентируя внимание на многослойности женской повседневности, на ее институциональной значимости и культурной автономии. Именно в таких исследованиях формируется историческая память, где казачка не только воспроизводит уклад, но и участвует в трансформации общества – как хозяйка, ремесленница, вдова, мать, участница производственной и религиозной жизни.

Таким образом, кавказский фронт оказывается не только ареной мужской истории, но и пространством женского действия, а сама казачка – медиатором между империей и регионом, традицией и модернизацией, повседневностью и памятью. Этот взгляд, основанный на синтезе зарубежных и отечественных источников, открывает возможности для дальнейшего осмысления роли женщин в исторических пограничьях России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Акоева Н.Б.** К проблеме социально-семейного положения кубанских женщин-казачек в конце XVIII начале XX века // Вестник ЧелГУ. 2008. № 34.
2. **Газиева А.А.** Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире // Женщина в российском обществе. 2021. № 4.
3. **Гончаров Ю.М.** Женщины фронта: образ сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX вв. // <https://zaimka.ru/goncharov-siberians/>.
4. **Исаев В.В.** Свадебные ритуалы, семейно-брачные отношения и трудовые традиции алтайского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23).
5. **Мутиева О.С.** Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Махачкала: ДГУ, 2006.
6. **Мутиева О.С.** Изменения повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов вторая половина XIX в. / Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Грозный, 2019.
7. **Мутиева О.С.** К вопросу о распространении снохачества в семейном быту казаков / В сборнике: Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы двенадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2020.
8. **Попко И.Д.** Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1.
9. Речи, сказанные перед войсками в Дагестане старшим священником Н. Котляревским. С.-Петербург: Типография А.И. Поповицкого О.Г. Елеонского 1875 г.
10. **Рыблова М.А.** Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 1.
11. **Смирнова В.К., Пороло Л.Ю.** «Женский вопрос» в казачьем сообществе XVI – начало XX вв. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2.
12. **Хасбулатова О.А.** Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994.
13. **Щупленков О.В.** Были бы казачки – казаки будут // Казачество. 2016 . № 6 (19).
14. Центральный Государственный Архив РД. Ф. 379. Оп. 7. Д. 294. Л. 103.
15. **Цыбулькинова А.А.** Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. // <http://slavakubani.ru/geography/neighbors/traditions-neighborliness/rol-zhenshchin-v-protsessakh-mirnogo-vzaimodeystviya-kazakov-i-gortsev-severnogo-kavkaza-v-khviixi/>.
16. **Barrett T.M.** At the Edge of Empire: the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Oxford: Westview Press.

A.A. GAZIEVA

Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Institute of History,
Archaeology and Ethnography, Makhachkala, Russia

I.V. SUKHAREVA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of International Relations, History and Oriental
Studies, Ufa State Petroleum Technological
University, Ufa, Russia

COSSACK WOMAN ON THE CAUCASIAN BORDER: BETWEEN SERVICE, EVERYDAY LIFE AND HISTORICAL MEMORY

The article analyzes the socio-economic and cultural role of Cossack women in the conditions of the Caucasian frontier of the 18th-19th centuries based on foreign historiography, primarily the work of T. Barrett «On the Edge of the Empire: Terek Cossacks and the Border of the North Caucasus, 1700-1860». It shows how the figure of the Cossack woman becomes a key element in the formation of the socio-cultural space of the borderland, and how this role is interpreted in the Western scientific tradition. Particular attention is paid to issues of marriage, labor, economy and state policy on the border of the empire, as well as the reflection of these subjects in historical memory.

Key words: gender, Cossacks, woman, historiography, state acculturation, frontier.